

АНТОНЪ КРАЙНІЙ.
СОВРЕМЕННОСТЬ.

М І Р Ъ

Всѣ согласны: міръ сейчасъ, въ началѣ 30-хъ годовъ, находится въ скверномъ положеніи. Куда ни взглянуть, въ ближнюю сторону, или дальнюю, на общее или частное, — все и вездѣ неладно. За одно послѣднее десятилѣтіе, уже послѣ катастрофы, въ тѣ именно годы, когда ожидалъ міръ своего восхожденія, онъ въѣхалъ въ порядочную низину. Мы спуска не замѣчали: это былъ спускъ «на тормозахъ». Но стоитъ сдѣлать усиліе, реально вспомнить свое, чужое или общее положеніе десять лѣтъ тому назадъ, поставить его рядомъ, вплотную, съ сегодняшнимъ... и какими «прекрасными днями Аранжуэца» покажутся эти дни минувшіе!

Узкое и надобѣвшее опредѣленіе: «міровой экономической кризисъ» — ничего не объясняетъ. Что-то, молъ, въ постройкѣ міра расклеилось, не то благодаря развитію техники, не то, несмотря на него. Надо только сговориться, какъ расклеенное снова склеить. Толстой тоже любилъ повторять: «стоитъ людямъ сговориться...» и тоже не понималъ, что именно сговоръ-то между людьми тѣмъ невозможнѣе, чѣмъ онъ нужнѣе.

Странно тоже: печальники о внѣшнемъ расклеиваніи міра не обращаютъ вниманія, что онъ расклеился и внутренно. Можетъ быть, увѣрены, что съ подклейкой извнѣ — онъ изнутри и самъ подклеится. Вопросъ, положимъ, не рѣшенъ, что ведетъ за собою другое: внѣшній ли развалъ человѣческаго міра — внутренний, или наоборотъ. Безспоренъ лишь тотъ фактъ, что одинъ развалъ безъ другого не бываетъ, ибо человѣческой міръ, по выраженію Вл. Соловьева, «душетѣлесенъ». Этого довольно бы, кажется, чтобы, изслѣдуя трещины на стѣнахъ наружныхъ мірового зданія, полюбопытствовать, какого онъ вида на внутреннихъ.

Обсужденіемъ міровыхъ современныхъ дѣлъ я заниматься, конечно, не буду. Да это и не нужно. Въ вопросѣ о «современности» нельзя достаточно сузиться, т. е. можно сузиться до любого предѣла: въ самомъ маленькомъ уголкѣ мы найдемъ отраженной ту же современность, то же самое сегодня-данное. Въдѣ міровой «спускъ на тормозахъ» (можетъ быть и не законченный) произошелъ во всѣхъ точкахъ одновременно. Все въ связи со всѣмъ. Какъ бы сообщающіеся сосуды, независимо отъ размѣра.

РУССКІЙ СТАКАНЪ

Онъ очень малъ. Особенно тотъ, который я беру — эмиграція, и еще уже — интеллигентный, культурный ея слой.

Сдѣлать усиліе памяти, сравнить себя — эмиграцію — начала 20-хъ годовъ

съ собой въ началѣ 30-хъ, — очень полезно. Хотя линия судебъ нашихъ и находится въ подобіи съ обще-міровой — наша, въ томъ же отрѣзкѣ времени, ярче. Пока міръ пережилъ одну катастрофу, мы пережили двѣ. Такъ же ярко, впрочемъ, наглядень, и чудовищный декадансъ Россіи совѣтской за это десятилѣтіе. Но не буду останавливаться на общезвѣстномъ.

Вотъ почему съ трудомъ вѣрится: эмигрантская интеллигенція всѣхъ возрастовъ, направлений, убѣжденій была, въ первое время своей европейской жизни, такъ сплочена, какъ не бывала раньше, на широкихъ пространствахъ родины. Мы это забыли, видя сегодня такое ея распыленіе и разбросанность, какой опять въ нормальной Россіи не было. Прошлый моментъ сплоченности людей культурнаго слоя былъ, вѣроятно, результатомъ еще живого сознанія, что у нихъ одинъ общій врагъ. Тотъ же у политиковъ всѣхъ направлений, тотъ же у людей науки, у людей искусства... Физиологически чувствовали они въ немъ — врага культуры, и понятень порывъ ихъ — совмѣстно защищать драгоцѣнное русское достояніе.

«Культурныя дѣла» русской эмиграціи того времени будутъ когда нибудь оцѣнены. Ихъ было много, и много усилий. Но... сдѣлаемъ опять маленькій, частный опытъ. Положимъ рядомъ: какой нибудь органъ русской прессы, № года 33-го, — и пожелтѣвшій № 20-хъ годовъ. Изъ пожелтѣвшаго улыбнется жизнь, — какая ни на есть, но жизнь, — а бѣлый, новый... онъ даже не удивитъ своей плоской, старой скукой.

Когда же начался и какъ происходилъ «спускъ на тормозахъ?» Медленный, подпольный процессъ подвелъ сначала нашу интеллигенцію къ тому прежнему состоянію, въ которомъ она находилась въ Россіи. Тамъ, раздѣленная партиями, направленіями, кружками, она, и враждующая, была скрѣплена, внѣшне и внутренне. Но здѣсь, у эмиграціи внѣшней скрѣпы не было, той, которая еще оставалась у западныхъ народовъ: своей земли. Скрѣпа внутренняя? Но чтобы продолжать быть скрѣпой, она должна непрерывно мѣняться, шириться, возрастать... Неопредѣлима внутренняя жизнь: это совокупность движенія мысли, воли, путь дѣйствительнаго творчества, прикосновеніе къ бергсоновскому «*élan vital*». Говоря-же просто — это способность, или отношеніе, къ «общимъ идеямъ».

Удивляться-ли, что русская интеллигенція, среди медленнаго сниженія міра, который и самъ терялъ внутреннюю жизнь, не удержала своей послѣдней скрѣпы? Разъединеніе, распыленіе пошло дальше. Незамѣтно низидся культурный уровень. А параллельно ухудшалось и положеніе внѣшнее.

На частномъ примѣрѣ зарубежной интеллигенціи, примѣрѣ такомъ наглядномъ, мы, можетъ быть, поймемъ кое что яснѣе и въ ней, и въ движеніи культурѣ, и — въ современности.

ЧЕЛОВѢКЪ И ТАЛАНТЪ

Одинъ изъ очень хорошихъ показателей — литература. Къ ней въ данномъ случаѣ мы и обратимся.

Литература русская (а она была у насъ не плохая, неправда-ли?) тѣмъ осо-

бенно отличалась, что имѣла очень мало «пустотъ». Не говорю уже о первостепенныхъ писателяхъ; но и второстепенные — почти ни одинъ не былъ для литературы: литература была для него. Т. е. не отдѣлялъ, ни сознательно, ни безсознательно, своихъ писаній отъ себя и отъ жизни; литература была для него средствомъ — никогда цѣлью. Источникъ-же творчества — это, какъ я говорю, отношеніе человѣка къ «общимъ идеямъ». Силой и качествомъ отношенія опредѣлялась и цѣнность литературныхъ произведеній, ихъ долговѣчность (какъ, впрочемъ, и всегда опредѣляется). У Толстого сила его отношенія къ общимъ идеямъ переросла качество, къ концу жизни. Но отъ этой легкой дисгармонии онъ не пересталъ быть Толстымъ, она лишь повліяла на цѣнность кое какихъ писаній въ послѣдніе годы.

Вѣе дѣло въ томъ, что слово «талантъ» употребляется нами неумѣстно. Оно неприложимо къ писателю, художнику, технику, политику и т. д.; оно приложимо только къ ч е л о в ѣ к у. Талантливый «человѣкъ», обладающій какой нибудь специальной способностью, — скажемъ, писательской, — и будетъ настоящимъ писателемъ, тѣмъ большимъ, чѣмъ сильнѣе и качественно выше его ч е л о в ѣ ч е с к і й талантъ, т. е. его отношеніе къ внутренней сторонѣ, къ общему внутреннему трепету жизни.

Талантливыхъ людей на свѣтѣ бывало больше, чѣмъ мы думаемъ. Не говоримъ-ли мы иногда о моментѣ историческаго подъема: какая талантливая эпоха! Возможно и обратное: періоды несчастій, обусловленныхъ изсякновеніемъ творческаго таланта въ челоуѣчествѣ...

Во всякомъ случаѣ, обернувшись къ Россіи, отъ Россіи — къ эмигрантскому культурному слуху, и отъ него, безстрашно суживаясь, къ современной нашей литературѣ, — признаемъ, что и она отмѣчена челоуѣческой бездарностью. Въ такъ называемой «беллетристикѣ» еще обольщаетъ порою, у того или другого литератора, его специальная способность, словесная и глазная. За умѣнье пріятно и красиво соединять слова, «рисовать» ими видимое, мы, по привычкѣ называемъ такого находчиваго челоуѣка «талантливымъ писателемъ». Подобныхъ талантовъ у насъ много, куда больше, чѣмъ (въ обычномъ смыслѣ) бездарностей. Къ примѣру назову лишь одного писателя, изъ наиболѣе способныхъ: Сирина. Какъ великоколѣпно умѣеть онъ говорить, чтобы сказать... ничего! потому что сказать ему — нечего.

— Еще хуже (или лучше, ибо виднѣе), когда къ обольщеніямъ беллетристики прибѣгнуть нельзя, когда пишется статья, критическая или другая, гдѣ ужъ нельзя, какъ будто, ничего не сказать. Однако, и тутъ современный литераторъ ухитряется затянуть свое неимѣнье сѣткой словъ и какъ-то осязательно самъ, въ писаніяхъ своихъ, «не быть». Степень писательской способности, гибкость, навѣкъ, — все это у авторовъ разное; но, при одинаковой челоуѣческой бездарности, цѣнность писаній ихъ — одна.

Такая бездарность тѣмъ меньше сознается, чѣмъ она полнѣе (совершенно, полной, вѣроятно, нѣтъ). Для многихъ это, пожалуй, и лучше: начатокъ, проблескъ пониманія своего челоуѣческаго неудачничества (т. е. и писательскаго) можетъ принести иному миллионъ терзаній. Безсильны вспышки сознанія часто

ведутъ лишь къ озлобленію, къ потерѣ равновѣсія, а порою къ потерѣ и своихъ способностей.

МИЛЛІОНЪ ТЕРЗАНИИ

Въ нашей литературѣ человѣчески-бездарные писатели со способностями попадались и раньше. Они забыты или забываются. Довольно бездарный человѣкъ — Фетъ. А изъ болѣе новыхъ, типичная бездарность съ крупными писательскими способностями — Брюсовъ. Онѣ, впрочемъ, въ концѣ ему измѣнили, какъ это нерѣдко случается. Бездарности своей Брюсовъ, благодаря ея большой полнотѣ, не сознавалъ, а потому, кажется, и терзаній никакихъ не испытывалъ.

Въ современности, къ типу Брюсова надо отнести Ходасевича. Подобій и сходствъ (не въ ихъ произведеніяхъ, конечно: какъ писатели, они самостоятельны) между ними можно найти много, даже мелкихъ: сходствъ во вкусахъ, склонностяхъ, въ методѣ работы... Но это подробности, главное же — что у обоихъ нѣтъ того, что мы называемъ «талантомъ», т. е. нѣтъ отношенія (ни интереса) къ «общимъ идеямъ». Типъ «спеца», сосредоточившагося (въ зависимости отъ области, въ какой онъ работаетъ) на словосочетаніяхъ, или на статистикѣ, или на изученіи какой нибудь пятой тараканьей ножки. Боже меня сохрани осуждать такіа почтенныя и полезныя занятія! Но сейчасъ мы говоримъ о другомъ.

Въ Ходасевичѣ, однако, уже нѣтъ брюсовской безмятежности: нѣкое подозрѣніе относительно себя и «общихъ идей» его видимо коснулось. Сознаніе своего безсилія вызываетъ въ немъ раздражительную безпокойность; голкаетъ на борьбу со всѣмъ, что хоть какъ нибудь можетъ напомнить ему о человѣческомъ «талантѣ».

Очень въ этомъ смыслѣ, показателенъ недавній его фельетонъ о романѣ «Отечество». Въ простомъ разсмотрѣніи — это лишь банальныя нападки на «тенденцію» въ искусствѣ. Но постановка и тонъ защиты искусства таковы, что нельзя не догадаться, гдѣ настоящій врагъ критика, и чѣмъ онъ втайнѣ уязвленъ.

Съ первой же строки — попытка отвода: критикъ признаетъ «общія идеи» (такъ и говоритъ: «общія идеи»). Онъ даже способенъ будто бы нѣкоторыя раздѣлять. Но искусство существуетъ помимо нихъ. Отношеніе писателя къ общимъ идеямъ (человѣческой талант!) уничтожаетъ художественность произведенія. Развѣ что вытекутъ онѣ оттуда сами, внѣ воли и сознанія автора... Критикъ, впрочемъ, не заботится доказывать, что идеи въ романѣ «Отечество» не «вытекають»; это, въ концѣ концовъ, ему не важно; важно, что онѣ тамъ есть.

Съ чисто художественной точки зрѣнія въ данномъ романѣ не трудно увидѣть недостатки: неопытную неровность письма, лишнее повтореніе словъ, сухость образовъ... Замѣчательность этой книги прошла бы, вѣроятно, мимо узко-художественной критики, хотя и она отмѣтила бы ея гармонию и органичность. Но Ходасевичъ такой критикой не занятъ. «Искусство» для него только щитъ, съ которымъ онъ идетъ противъ главнаго врага. Скоро и щитъ оставленъ. Критикъ дѣлаетъ прямой, — и самый неловкій — выпадъ противъ... какъ будто идеи, какъ будто въ

романъ заключенной. Я говорю «какъ будто», потому что и на самый грубый взоръ «антисемитизмъ» не есть «идея», во-первыхъ; а во вторыхъ — и такой-же грубый взоръ не могъ бы усмотрѣть его въ романъ. Со стороны критика такая неловкость — не результатъ ли крайне раздраженнаго состоянія? въ подобномъ состояніи случается пренебречь и очевидностью.

Примѣръ этотъ тѣмъ интересенъ, что какъ нельзя больше открываетъ намъ безсиліе писаній литераторовъ, очень способныхъ, но не одаренныхъ человѣческимъ талантомъ. Ни въ чемъ упрекать ихъ, даже въ раздражительности, нельзя; и безъ того ихъ терзанія, при сознательныхъ проблескахъ, слишкомъ остры. Да и гдѣ чья вина? Можетъ быть, это просто современность, отразившись и въ нашемъ маленькомъ русскомъ стаканѣ, населила нашу литературу писателями безъ человѣческихъ талантовъ?

ОПЯТЬ МІРЪ

Виноватыхъ и вины нѣтъ, мы напрасно старались бы искать ее. Достаточно, если мы увидѣли вотъ эту важную черту современности (черту, — или одну изъ причинъ современнаго, общаго, состоянія міра): оскудѣніе творческаго начала въ человѣчествѣ, паденіе человѣческой талантливости. Оплотнѣла, огрубѣла матерія; «élan vital», волна первожизненнаго порыва, сталкивается съ ней, и, не проникнувъ внутрь, — разбивается.